

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ФИНЛЯДИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕЖДУ МОСКВОЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

После победы в Великой Отечественной войне Советское правительство, пользуясь ростом своего авторитета, пыталось превратить Московскую патриархию в своего рода «Московский Ватикан», первенствующий в православном мире¹. В 1945–1946 гг. церковно-государственные отношения в СССР были как никогда активны. Понимая временный характер «оттепели», иерархи старались использовать появившуюся возможность укрепить позиции Русской Православной Церкви как внутри страны, так и среди других поместных церквей, отношения с которыми порою были весьма непростыми. В 1920–1930-е гг. Константинопольский патриархат способствовал отделению от Русской Православной Церкви православных епархий в Прибалтике, Польше и Финляндии без согласия на то Московской патриархии. Так, Православная Церковь Финляндии получила автономию в составе Московского патриархата в 1921 г. Но в 1923 г., опираясь на поддержку местной государственной власти, она перешла в юрисдикцию Константинополя вопреки протесту Московского патриарха. В автономной Финляндской Церкви по требованию правительства и с благословения Вселенского патриарха постепенно были введены в богослужебную практику новый, григорианский, календарь и григорианская пасхалия. Это вызвало «календарный раскол» в местной Церкви. Наиболее тяжело противостояние на почве трактовки церковных канонов, связанных с реформой, проходило в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре, оказавшемся на территории Финляндии. В 1925 г. его братство раскололось на «старостильников» и «новостильников», в связи с тем, что местное Церковное управление, добившись санкции правительства, навязывало православным русским монахам григорианскую пасхалию.

Чтобы разрядить накалившуюся атмосферу, в 1926–1927 гг. с разрешения финляндского правительства и церковных властей в Выборге и Хельсинки были организованы 2 старостильные церковные общины, подчинявшиеся митрополиту Евлогию (Георгиевскому), возглавлявшему Западно-Европейский митрополичий округ Русской Православной Церкви. Власти Финляндии утвердили устав этих общин, согласно которому они наделялись автономным статусом. После изменения границ в результате Зимней войны 1939–1940 гг. братство Валаамского монастыря в полном составе, с имуществом, переселилось с острова Валаам на Ладожском озере в глубь Финляндии, где монахами было образовано поселение Новый Валаам с юридическим статусом прежнего монастыря. Календарный раскол сохранялся там до осени 1945 г., пока монастырь не был принят в каноническое послушание Московской патриархии, продлившееся до 1957 г.

Решение Московской патриархии признать Финляндскую Церковь в составе Константинопольского патриархата в 1957 г. было принято не сразу и непросто. Обстоятельства этого события до сих пор слабо освещены как отечественными, так и зарубежными исследователями. Недостаточно изучены и отразившие их источники, в частности, материалы личного дела митрополита Григория (Чукова), относящиеся к его визиту в Финляндию в 1945 г., а также другие документы Совета по делам РПЦ, касающиеся положения Финляндской Православной Церкви². Все это не позволяет установить, насколько реальной была возможность возвращения Финляндской Церкви в Московский патриархат и каковы были при этом мотивы обеих сторон.

* Шевченко Татьяна Ивановна, младший научный сотрудник отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви при Богословском факультете Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

В начале Второй мировой войны Финляндия воевала на стороне Германии. Успехи СССР на финляндском фронте привели к мирному договору между соседями и выводу немецких войск из республики. Под давлением Советского Союза по окончании Второй мировой войны в Финляндии была официально разрешена деятельность Коммунистической партии. На первых послевоенных выборах в финский парламент левые радикалы получили 49 из 200 мандатов, а в правительство вошло несколько министров-коммунистов. Министр внутренних дел Финляндии коммунист Лейно Юрьо разрабатывал идею создания Финляндской народной демократической республики под патронатом Советского Союза. Весной 1945 г. Лейно возглавил «охоту на ведьм» в Финляндии, вел расследование по делу о тайниках оружия в стране и организовал по требованию Контрольной комиссии аресты русских эмигрантов, имевших наценковские паспорта, а также граждан Финляндии русского происхождения. По неуточненным данным, в результате этой кампании финские власти передали Советскому Союзу 101 184 человека, (42 778 военнопленных и 58 406 гражданских лиц³). В 1947 г. были возобновлены официальные дипломатические отношения между СССР и Финляндией.

В 1945 г. финские церковные власти дали свое согласие на возвращение в Русскую Православную Церковь. В 1920-е гг. далеко не все православное население Финляндии одобряло переход Финляндской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольской патриархии. Большинство насельников Валаамского, Коневского, Печенгского монастырей, оказавшихся на территории Финляндии, были русскими, многие из них так и не приняли финляндского гражданства. Они считали каноническую связь с Константинополем «искусственной, временной и продиктованной сиюминутной политической выгодой». В монастырях жила надежда на скорое возвращение в Московский патриархат, «который для монашествующих был и в национальном, и в каноническом смысле “истинный патриархат”». Финляндские исследователи не отрицают насильственного характера календарной реформы, проведенной в Финляндской Православной Церкви в 1920-е гг. Она воспринималась русскими монахами как попытка властей окончательно разорвать связь православных бывшего Великого княжества с Россией. Однако, как подчеркивают историки, стремление монастырей к возвращению в Русскую Православную Церковь оказалось после войны политически выгодным для сторонников перехода демократической Финляндии под патронат СССР⁴.

В ноябре 1944 г. из Нового Валаама в Москву было направлено прошение от монашествующих с просьбой «о восстановлении канонической юрисдикции и возвращении в Карелию». Монах Иувиан (Красноперов), от лица старостильной братии монастыря обратился с письменным прошением к патриаршему местоблюстителю митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому): «Наш иноческий долг и наша совесть повелевают нам вернуться в родную разоренную обитель, чтобы основать первоначальную, и на первых порах хотя бы небольшую ячейку монашеского общежития, приложив свои скудные старческие силы на восстановление родной для нас обители и завершить здесь свое земное поприще... ввиду сего, почтительнейше просим Ваше высокопреосвященство воссоединить нас с Матерью – Русской Православной Церковью и, вместе с тем, исходатайствовать нам от Советского Правительства милостивое разрешение возвратиться в Валаамский монастырь. К этому присовокупляем, что небольшая группа монастырских иноков обращается к Вашей святительской благодати лично от самих себя, без ведома и согласия нашего отца настоятеля, игумена Харитона, который, довольствуясь пребыванием в Финляндии, не намерен возвращаться на Валаам»⁵. В конце письма прилагался список 135 монашествующих с указанием трудовой специальности каждого из них.

Как утверждал впоследствии Валаамский игумен Харитон (Дунаев), об этом письме монаха Иувиана он ничего не знал вплоть до 16 февраля 1946 г. Свое же согласие на воссоединение игумен объяснял укреплением положения Русской Православной Церкви в Советском Союзе в 1940-е гг. Однако переносить монастырь в СССР настоятель не торопился. 29 марта 1945 г. он «уведомил Святейшего патриарха Алексия о положении Валаамского братства и о том, что, благодаря указаниям покойного Святейшего патриарха Сергия, Валаамская обитель, находясь в лоне Финляндской Церкви,

сохранила каноническое и молитвенное общение и с Российской Церковью». Он просил архипастырского благословения для всего братства, и выразил надежду, что и наша Финляндская Православная Церковь возвратится в лоно своей Матери – Русской Церкви»⁶. Валаамский настоятель полагал, что, состоя в переписке с руководившим церковной жизнью в СССР митрополитом Сергием (Страгородским), Валаамский монастырь, тем самым, сохранил единение с Московским патриархатом.

Из Москвы, однако, предпочли ответить не игумену Валаамского монастыря, а некоему Петру Нортамо – бывшему протестантскому проповеднику, перешедшему в православие и горячо выражавшему свое желание быть полезным Московской патриархии. Из этого ответа патриархии Нортамо, с которым ознакомили игумена Харитона, он и узнал о нетвердом каноническом положении Финляндской Церкви и вместе с ней управляемого им монастыря. Не получив ответа на первое свое письмо, 5 июня 1945 г. игумен отправил в Москву второе, «в котором поместил выписки из писем блаженнейшего митрополита Сергия о каноническом положении Русской Православной Церкви по отношению к Финляндской Церкви и, в частности, к Валааму», и просил дать точные указания «как поступить, дабы не погрешить пред Богом и Его Святой Церковью»⁷. Это письмо также осталось без ответа. В Москве не доверяли «новостильному» Валаамскому игумену, считая его стремление к нормализации отношений с патриархией политическим маневром. Это было неверно – больной игумен, которому оставалось жить 2 года, действительно хотел сделать все возможное, чтобы оградить монастырь от возможных гонений как со стороны финских, так и со стороны русско-советских церковных властей.

С 21 сентября по 12 октября 1945 г. в Финляндии находился с визитом митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), направленный для переговоров с архиепископом Финляндским Германом (Аавом) о деталях воссоединения⁸. Лейно активно поддерживал действия митрополита Григория с помощью жесткой цензуры, ограничивавшей выступления церковной оппозиции, которая не желала воссоединения. Однако правая коалиционная партия сумела добиться соблюдения демократических свобод⁹.

9 октября 1945 г. митрополит Григорий ответил на вопросы журналистов о цели своего визита в Финляндию. По его словам, она состояла в том, чтобы выяснить положение иноков Валаамского и Коневского монастырей, обратившихся в Московскую патриархию с просьбой принять их под свое управление, а также прояснить общее положение православной Церкви в Финляндии, время пребывания которой под юрисдикцией Константинополя должно закончиться в связи с изменившимися политическими и церковными условиями. Как утверждал митрополит, православная Церковь заняла свое законное место в Советском государстве, обеспечила себе твердое каноническое, международное и материальное положение и возможность свободно организовать свою внутреннюю жизнь, имея 20 тыс. храмов, 83 монастыря, 72 епархии и 52 епископа¹⁰. В интервью иностранным корреспондентам данные о количестве открытых храмов значительно завышались, не упоминалось и о репрессиях в отношении верующих, продолжавшихся в СССР и после войны.

Во время своего визита митрополит Григорий встречался со многими представителями клира и мирян православной Финляндии. Большинство из них, судя по отчету, представленному митрополитом в Совет по делам РПЦ, высказывались за воссоединение. Так, например, в записке, поданной 5 октября 1945 г. протоиереем Виктором Крохиным (согласно отзыву митрополита Григория, это был почтенный, уважаемый пастырь священник, очень обрадованный воссоединением митрополита Евлогия с Московской патриархией и осуждавший церковные новшества финляндского епископата и правительства)¹¹, сообщалось, что еще в 1928 г. он перешел в «евлогийскую» старостильную общину Выборга и «ничего не знал» о положении дел в Финляндской Церкви. Тем не менее ему представлялось, что Финляндская Православная Церковь «и со вне, и по духу» хочет сблизиться с протестантством, «если не до полного слияния, то до замены внешних особенностей православия протестантским видом их». Данная

опасность, сообщал протоиерей, возросла после переселения православных карел в глубь Финляндии, где они вынуждены в быту тесно общаться с лютеранами. От «изгнанных из Карелии» о. Виктор слышал об их большом желании вернуться на родину. Основным же препятствием к воссоединению он считал опасение церковных кругов Финляндии потерять льготы, предоставленные правительством, и упорные «слухи» о том, что в СССР все храмы разрушены и священники «сидят» за свою веру. Для успеха воссоединения автор записки, вероятно всего, искренне веривший в свободное положение Церкви в СССР, советовал рассеять эти «слухи»¹².

3 октября 1945 г. некий иеромонах Иоанн (Матси) также подал записку с просьбой принять его в юрисдикцию Московского патриархата. По его словам, он принял монашество и священство в Сербии, благодаря чему избежал общения с нарушителями пасхального канона в Финляндии, но, будучи под духовным началом игумена Коневского монастыря Амфилохия, который «держался архипастыря Карловацкой группы», совершил невольный грех отпадения от Русской Церкви, в чем иеромонах раскаивался¹³. Однако митрополит Григорий отнесся к прошению Матси скептически. Со своей стороны, Валаамский игумен Харитон (Дунаев) сообщил финляндскому архиепископу об особенностях монашеского посвящения Матси в Сербии, где «перед рукоположением дают только рясу и никаких обетов» и о его попытке нападения «во имя защиты православных канонов» на настоятеля Нового Валаама. Игумен всерьез опасался, что данный иеромонах возобновит свои угрозы, вооружившись пистолетом. В итоге, несмотря на похвальные отзывы валаамских старостильников, монаха Иувиана и иеромонаха Иеронима, а также активную деятельность, направленную на воссоединение с Русской Православной Церковью и усиленное стремление попасть в СССР, митрополит Григорий писал, что «пускать Матси [в СССР], по-видимому, не следовало бы»¹⁴.

С большим энтузиазмом одобрял воссоединение с Русской Церковью Д.Н. Фрингетт, в то время – студент, а впоследствии – секретарь Православного союза Финляндии. Он выражал большую заинтересованность в успехе дела, критиковал местные власти, стремясь получить высшее образование, постриг и сан в СССР, чтобы после этого посвятить себя «воспитанию тамошнего монашества». Однако его чрезмерное усердие в дальнейшем так же вызвало со стороны Московской патриархии подозрение в двойной игре¹⁵.

Один из наиболее известных поборников воссоединения и наименее уважаемый среди национального клира – Петр Нортамо, бывший протестантский проповедник, обращенный в православие протоиереем В. Богоявленским и охарактеризованный митрополитом Григорием как «ревностный миссионер»¹⁶, составил по благословению ленинградского митрополита «Обзор жизни Финляндской Православной Церкви в период независимости страны». 31 июля 1946 г. этот обзор был передан в Финляндии по радио. Его автор восторженно отзывался об истории Православной Российской Церкви и эмоционально раскрывал связь с ней Церкви Финляндской. Однако положение православия в своей стране он изображал в подчеркнуто упадочных тонах и делал основной акцент «на грехах» Финляндской Церкви: «Все, что может быть названо истинно православной внешней и внутренней духовной жизнью, является исключительно достоянием православной Русской Церкви. Церкви, вся утварь, облачения, иконы, священные сосуды, богослужебные книги – разве они не являются даром Русской Православной Церкви? В наших насильственных и искусственных попытках национализации мы не воздвигли ни одной церкви и не создали ничего для церковной жизни, если не считать ставшую теперь неподходящей, составленную из свастик, цепочку наперсного креста, а также возбудившие в свое время постыдное внимание скамейки, установленные в церкви прихода в Тайполе. Все отступления от перешедших к нам обычаев Русской Церкви, как например, не ношение священником рясы, их стриженные волосы и бритые бороды, ношение обручального кольца на левой руке, вопреки церковному таинству, чтение негласных молитв вслух – все это настолько не соответствует православию, что едва ли надлежащие лица в настоящее время пожелают, чтобы эти погрешности были причислены к их прежним заслугам». Непризнание валаамскими старостильниками нового финляндского архиерея Германа (Аава) дало Нортамо повод

для самых резких суждений: «Сделанное не по иерархическим правилам, рукоположение нового епископа явилось настолько сильным ударом для авторитета главенствующего епископа, что отрицательные последствия сего поступка чувствуются в нашей церковной жизни и по сие время. Если принять во внимание, что сторонники старого стиля, в особенности монахи, вообще не признали рукоположенного не по канонам епископа, то станет вполне понятным, что вся наша церковная жизнь была скована проклятием, навлеченным на нас нарушением заветов Церкви. Начиная с того, как прервалась связь с Русской Церковью, наша Церковь пошла, в ущерб христианству, на компромисс с иноверцами и неверующими: роковые последствия этого шага ясно видны»¹⁷.

Игумен Харитон, ознакомившись с текстом «Обзора», отметил: «Очень жаль, что в обзоре, при помощи И. Матси, так пристрастно освещается наша Финляндская Православная Церковь»¹⁸. Несмотря на видимый пафос и искреннюю ревность Нортамо, его духовный отец протоиерей В. Богоявленский отзывался об «Обзоре» очень сдержанно. Богоявленский признавал, что упомянутые в нем факты имели место в жизни Финляндской Православной Церкви, однако сам подход, толкование фактов и причин, их вызвавших, а также поступков предстоятелей Финляндской Православной Церкви, основывались исключительно на личном мнении Нортамо, который в течение последних 20-и лет не принадлежал к православной Церкви. «Такое рассуждение, – полагал протоиерей, – в его категоричности теряет характер объективности». При этом Богоявленский соглашался с Нортамо в том, что ни у кого нет права «сочинять свою Церковь, но все обязаны подчиняться существующей Христовой Церкви, чего, безусловно, требуют каноны». Резкость суждений Нортамо он оправдывал и происходившим в сознании финнов размыванием границ между православием и протестантизмом¹⁹. Хотя никто в Финляндском церковном управлении официально не возразил Нортамо, в общественных и церковных кругах Финляндии он стал восприниматься как «перебежчик, отколовшийся от единства», чья деятельность не может способствовать росту взаимопонимания между православными²⁰.

В отчете о поездке митрополита Григория упоминался и протоиерей Григорий Светловский, настоятель «евлогийанской» старостильной общины в Хельсинки. В 1905–1917 гг., при архиепископе Финляндском Сергии (Страгородском), он был близок «русскому делу», а после введения архиепископом Германом (Аавом) новшеств в Финляндской Православной Церкви отошел от нее, получив в управление практически автономную общину с узаконенным государством юридическим статусом. Митрополит Григорий характеризовал Светловского как человека «узкого», опасавшегося, в первую очередь, потерять «уют» и комфорт автономного существования, а также лишиться в своей общине положения «столпа и идеолога». Но большая часть общины, по сведениям митрополита Григория, была уже недовольна им из-за тех препятствий, которые он создавал при назначении протоиерея Виктора Крохина настоятелем второй «евлогийанской» общины. Таким образом, ко времени перехода в Московский патриархат между двумя официальными старостильными русскими общинами в Финляндии не было внутреннего единства. Комиссии Московской патриархии в 1952 г. пришли к заключению, что этот разлад коренился в основном в личных страстях и интригах настоятеля и причта²¹. Однако причина его была гораздо более глубокой – два русских старостильных прихода в Финляндии представляли собой изолированные в культурном и религиозном плане общины. Психологически русские прихожане ощущали себя незащищенными местной церковной властью, государственная же власть в Финляндии ориентировалась на лютеранство и не понимала «тонкостей» русского православия.

Большое значение митрополит Григорий придавал участию в деле воссоединения православных Финляндии с Русской Церковью Леонида Линдберга – «видного журналиста в шведской и датской прессе», пользовавшегося уважением в обществе. После визита митрополита Григория Линдберг в своих статьях положительно отзывался о последствиях этой поездки, всячески демонстрируя свое расположение к Русской Православной Церкви²².

Благожелательно отнесся к воссоединению и митрополит Серафим (Лукьянов), с 1927 г. возглавлявший приходы РПЦЗ в Западной Европе и проживавший во Франции, но сохранивший титул архиепископа Финляндского, равно как и финляндское гражданство. В августе 1945 г. митрополит Серафим дал интервью просоветской газете «Русские новости», в котором положительно отзывался о СССР и Московской патриархии²³. В то же время он обратился с раскаянием в Московскую патриархию и был принят в ее юрисдикцию. Впрочем, в Париже митрополиту Николаю (Ярушевичу) пришлось долго убеждать митрополита Серафима пойти на этот шаг²⁴. Однако уже 18 февраля 1946 г. Священный Синод выразил митрополиту Серафиму благодарность за «его ревность в славе Божией и архипастырские труды по сохранению единства Церкви»²⁵.

Что касается финляндского епископата, то оба архиерея – и архиепископ Герман (Аав), и епископ Александр (Карпин)²⁶ – при встрече с митрополитом Григорием «высказали полное сочувствие» идее воссоединения и даже выдали письменное согласие²⁷. Архиепископ Герман в беседах с московскими гостями отрицал свое участие во введении новшеств в Финляндской Церкви²⁸. Однако он считал, что если Московская патриархия потребует вернуть в богослужебную практику старостильную пасхалию и урежет автономные права Финляндской Церкви, то это отрицательно повлияет на позицию собора Финляндской Православной Церкви в отношении возвращения под юрисдикцию Московской патриархии. «Я не делал и не делаю препятствий, – писал он митрополиту Григорию 23 июля 1946 г. – Я стараюсь о том, чтобы со стороны Московской патриархии не были предъявлены требования, которые были бы неприемлемы, которые возможно вызвали бы в [Финляндской] Церкви разруху». В основе опасений владыки Германа лежало, по его словам, желание, чтобы вернулись «не только епископы, но и паства»²⁹. Уже тогда среди молодых финляндских священников встречались и те, кто сомневался в пользе возвращения в Русскую Православную Церковь и считал, что «история может осудить это», поскольку воссоединение станет лишь поводом для раскола в Финляндской Церкви, а в этом случае «лучше уния, чем Москва». Будущий архиерей, а в то время простой иеромонах Павел (Олмари) говорил, что «если лютеранство плохо, то Советский Союз – вдвое»³⁰.

Итоги своей поездки в Финляндию митрополит Григорий (Чуков) подвел 21 октября 1945 г. в заметках, сохранившихся в фонде Совета по делам РПЦ. В них он предлагал вызвать в Москву обоих финляндских архиереев для воссоединения с Московским патриархатом и ознакомления с формами управления в Русской Православной Церкви. Для постоянного контроля над деятельностью Финляндской Православной Церкви рекомендовалось учредить должность уполномоченного Московской патриархии по делам автономной Финляндской Церкви (на правах наблюдателя с местопребыванием в Хельсинки). Предполагалось также «принять возможные меры к реорганизации церковного правления в Финляндии в духе канонів православной Церкви» и ограничить автономию Финляндской Церкви обязательным представлением всех решений ее соборов и избранного соборами церковного управления на утверждение Московской патриархии «впредь до благоустроения церковной жизни в Финляндии в духе подлинного православия». Наличный епископат со временем следовало заменить архиереями, намеченными в патриархии. Кроме того, по мнению митрополита, нужно было произвести ревизию учебной деятельности Гельсингфорской духовной семинарии и «направить ее по руслу подлинного Православия», поставить под контроль Москвы переводческое и издательское дело, подчинить старостильные «евлогийские» общины Финляндии правящему финляндскому архиерею, изъяв их из ведения митрополита Евлогия. Следовало также поддержать материально русский лицей в Финляндии, «как единственный рассадник русской культуры», и ходатайствовать «пред кем следует» о разрешении его выпускникам поступать в вузы СССР. «Перед кем следует» митрополит советовал ходатайствовать и о концентрации по национальному и вероисповедному признаку эвакуированных в Финляндию и рассеянных среди лютеран православных карел. Рядом с текстом сохранилось перечеркнутое резюме: «Проведением в жизнь

предлагаемых мероприятий, думается, что православие в Финляндии укрепит, и Церковь Финляндская вновь станет полноценной сотрудницей Церкви Русской в деле общего благоустройства Церкви Вселенской»¹.

Данные рекомендации свидетельствовали об отсутствии у их автора ясного представления о положении дел в Финляндской Православной Церкви. Между тем к этому времени она уже более 20 лет находилась под юрисдикцией Константинопольской патриархии, вырастила новые кадры, сформировала свои традиции и заняла определенное место в государственной жизни. В заметках же митрополита Григория явно прослеживалось намерение вернуть ее к прежнему, до смены юрисдикции, состоянию, причем вовсе не учитывался приобретенный положительный опыт (вероятно, вследствие полученных от радикально настроенных валаамских старостильников односторонних сведений о церковной жизни в Финляндии).

В 1946–1948 гг. Московская патриархия переводила в свою юрисдикцию русские заграничные приходы, обеспечивала поддержку режимов «народной демократии» в странах Восточной Европы и пыталась, с подачи советского правительства, утвердить свое первенство в православном и христианском мире. Однако планы создания в Москве единого всемирного православного центра закончились неудачей (советское руководство, явно не заинтересованное в реальном усилении позиций Русской Православной Церкви, вскоре потеряло к ним интерес), не был создан и сплоченный фронт для борьбы с развернувшим антикоммунистическую кампанию Ватиканом. Из-за скандальной политической подоплеки сама идея воссоединения Финляндской и Русской Православных Церквей, вполне реальная в 1945–1946 гг., стала восприниматься в общественном сознании финляндцев резко отрицательно. Политически нейтральным и более безопасным казалось привычное уже покровительство Константинопольского патриарха. Однако не стоит объяснять действия русских иерархов в отношении Финляндской Церкви, бывшей некогда частью Московского патриархата, исключительно стремлением угодить советской власти. Московская патриархия, несмотря на зависимость от правящих кругов СССР, в своих действиях относительно Финляндской Православной Церкви руководствовалась, прежде всего, мотивами канонической законности и церковной пользы. В числе причин, по которым в эти годы объединение не состоялось, можно назвать радикальную позицию Валаамских старостильников относительно «еретического» характера церковной жизни в Финляндии, а также потерю советским руководством интереса к идее «Московского Ватикана», ввиду появления более мощных рычагов политического воздействия.

Примечания

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 284–286, 332–333.

² Николай Кириллович Чуков (1870–1955) родился в Петрозаводске в крестьянской семье; в 1889 г. окончил Олонецкую семинарию, а в 1895 г. Санкт-Петербургскую духовную академию; в 1897 г. был рукоположен во иерея; в 1911–1918 гг. являлся ректором Олонецкой духовной семинарии. В 1920-е гг. – настоятель Казанского собора и ректор петроградского Богословского института (1920–1923) и Богословских курсов. В 1922 г. арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к высшей мере наказания, замененной 5-ю годами тюрьмы; вскоре амнистирован. В 1935 г. выслан из Ленинграда в Саратов. Овдовев, был в 1942 г. пострижен в мантию с именем Григорий, а затем хиротонисан во епископа Саратовского; впоследствии возглавлял Астраханскую, Псковскую, Олонецкую епархии. С 1945 г. – митрополит Ленинградский и Новгородский. Неоднократно возглавлял церковные делегации за рубежом. О визите митрополита Григория в монастырь на Новом Валааме см.: *Нестор (Киселенков), игумен*. В иных пределах // Север. 1991. № 9; *Шевченко Т.И.* Валаамское охранительство: финляндский период // Вестник ПСТГУ. Сер II. 2008. № 3.

В отечественной историографии визит митрополита Григория (Чукова) в Финляндию в 1945 г. оценивается либо как неудачная попытка Совета по делам РПЦ найти еще одного выгодного для СССР союзника в приграничной Финляндии, либо как стремление патриархии до-

казать советским властям полезность своей дипломатии (*Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 292). Финляндские исследователи полагают, что митрополит вынужден был проявить осторожность в отношении сближения с Финляндской Православной Церковью, находившейся на территории государства, недавно воевавшего с СССР, и склонной к национализму и новшествам, а для финляндских церковных властей возвращение в Московский патриархат теряло свою привлекательность ввиду значительной материальной поддержки со стороны своего правительства (*Loima Jyrki. Nationalism and the Orthodox Church in Finland 1895–1958 // Teuvo Laitila, Loima Jyrki. Nationalism and Orthodoxy. Helsinki, 2004. P. 186–187*). Мотивы объединения Церквей рассматриваются при этом как сугубо политические, а согласие на визит митрополита Григория связывается с политикой уступок, проводившейся левыми силами в правительстве Финляндии (*Riikonen Juha. Maskova kutsuu. Moskovan patriarkaatin pyrkimys saada Suomen ortodoksinen arkkipiispakunta alasuuteensa 1945–1957. Joensuu, 1996; ibid. Kirkko pylitiikan syleilyssa: Suomen ortodoksisen arkkipiispakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007. P. 357.*).

³ *Иоффе Э.* Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб., 2005. С. 321–323.

⁴ *Riikonen Juha. Kirkko politiikan syleilyssa... P. 356.*

⁵ *Шевченко Т.И.* Указ. соч. С. 91–100. Иувиан (Красноперов) (1880–1957) в 1899 г. поступил в Валаамский монастырь, где в 1910 г. принял постриг. В обители заведовал метеорологической станцией, канцелярией, архивом, с 1947 г. – библиотекой. В 1925–1931 гг. по предписанию Финляндского церковного управления находился в ссылке в Тихвинском скиту монастыря за отставание старого календаря.

⁶ См.: *Шевченко Т.И.* Указ. соч. С. 92. Игумен Харитон (Дунаев) (1872–1947) поступил в Валаамский монастырь в 1894 г., в 1905 г. был пострижен в монашество, в 1909 г. назначен экономом монастыря; а в 1910 г. рукоположен архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) в иеромонаха. В 1933 г. он был избран братией монастыря и утвержден Финляндским церковным управлением в должности настоятеля, став последним настоятелем Спасо-Преображенской Валаамской обители, занявшим эту должность на Старом Валааме – при нем в 1939–1940 гг. прошла эвакуация монастыря в глубь Финляндии и устройство нового монашеского поселения. В своей деятельности игумен Харитон придерживался новостильной позиции, но отстаивал законные пути сохранения в монастыре «старой» пасхалии. Незадолго до кончины принял схиму.

⁷ Там же. Вместе с письмом игумен посылал в Москву книги, освещающие положение дел в Финляндской Церкви: *Харитон (Дунаев) иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях. Аренсбург, 1927; Глубоковский Н.Н. «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви. София, 1929.*

⁸ Архиепископ Герман (Аав Герман Васильевич) (1878–1961) – 17 июня 1922 г. был избран на соборе Финляндской Православной Церкви епископом Карельским, викарием архиепископа Финляндского. После утверждения 21 апреля 1923 г. правительством, хиротонисан 8 августа 1923 г. Вселенским патриархом Мелетием IV во епископа Сортавальского. В ноябре 1923 г. решением Собора образована самостоятельная Карельская епархия и епископ Герман стал именоваться епископом Карельским; с 1924 фактически управлял Финляндской архиепископией, 13 июня 1925 г. на соборе Финляндской Православной Церкви избран архиепископом Финляндским (14 августа 1925 г. утвержден президентом Финляндской республики).

⁹ *Riikonen Juha. Kirkko politiikan syleilyssa... P. 357.*

¹⁰ ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 138, л. 84–87 об.

¹¹ По просьбе прихожан, он вскоре был назначен настоятелем Никольской общины в Хельсинки (одного из 2-х старостильных приходов Финляндии, перешедших в юрисдикцию Московского патриархата). См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 138, л. 19–19 и.

¹² Там же, л. 12–13.

¹³ Там же, л. 11. Об игумене Амфилохии митрополит Григорий писал, что, будучи ставленником архиепископа Финляндского Германа, он выступил против него как старостильник, однако в церковных кругах и среди монахов большого влияния не имел (Там же, л. 19 з).

¹⁴ Там же, л. 9–10, 19–19 и.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 121, л. 129; оп. 1, д. 1102, л. 53.

¹⁶ Там же, оп. 7, д. 138, л. 19, 19 з. Как отмечал митрополит Григорий, протоиерей Богоявленский был ранее протодиакonom при архиепископе Финляндском Сергии (Страгородском), высказывался против «новшества» в Финляндской Церкви, но постоянно с этими новшествами мирился.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Матси к этому времени стал посредником Валаамских старостильников по связям с Московской патриархией.

¹⁹ Там же, л. 38–39.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 1102, л. 111–112.

²¹ Там же, оп. 2, д. 121, л. 66.

²² Там же, л. 7–9. В 1952 г. Л. Линдберг писал о том, что в 1930-е гг. политика церковного управления и правительства Финляндии в отношении монашествующих (в частности, запрет на монашеский постриг для лиц, не имевших финляндского гражданства) превратила Валаамский монастырь, способный стать «монастырем вселенского значения», в умирающий островок русской культуры.

²³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1214, л. 45. См. также: *Гуревич А.Л.* «Неоднозначное назначение»: к истории назначения митрополита Серафима (Лукиянова) экзархом Московского Патриархата в Западной Европе // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 202. Александр Иванович Лукиянов (1879–1959), в монашестве Серафим, в сентябре 1914 г. был хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии, с 1918 г. – епископ Финляндский и Выборгский (с 1920 г. – архиепископ). В 1924–1926 гг. после отстранения правительством Финляндии от управления епархией жил в Коневецком монастыре, в 1926 г. переехал в Англию, где был назначен настоятелем Лондонского прихода и викарием митрополита Евлогия (Георгиевского). С 1927 г. проживал в Париже и возглавлял Западно-Европейскую епархию Русской Православной Церкви за границей (с 1938 г. – митрополит). В 1945 г. перешел в юрисдикцию Московской патриархии. После смерти митрополита Евлогия – экзарх Московского патриархата в Западной Европе (с 9 августа 1946 г.). В 1949 г., в связи с многочисленными жалобами, уволен на покой. Обратился с ходатайством о возвращении в РПЦЗ, принес покаяние в сотрудничестве с Московской патриархией и был принят в общение 1 декабря 1949 г. Затем вновь вернулся в Московский патриархат и в 1954 г. переехал в СССР. С 1956 г. пребывал на покое в Гербовецком монастыре Молдавской епархии, где и скончался 18 февраля 1959 г.

²⁴ *Гуревич А.М.* Указ. соч. С. 202–203.

²⁵ Там же. С. 205; ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 138, л. 46.

²⁶ Деление Финляндской Православной Церкви на две епархии (Выборгскую и Карельскую) было установлено финляндским правительством 29 декабря 1923 г., но за неимением подходящих кандидатов Выборгская кафедра пустовала. В 1935 г. ее занял настоятель Аннантхасского прихода, благочинный 4-го округа и вице-председатель Церковного управления протоиерей Александр (Карпин). В его хиротонии 22 сентября 1935 г. участвовали митрополит Ревельский и всея Эстонии Александр (Паулюс), архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (Аав) и епископ Печерский Николай (Лейсман). См.: Утренняя заря. 1935. № 7. С. 51–52; № 8–9. С. 69; № «Юбилейный». С. 90.

²⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 7, д. 138, л. 88–89.

²⁸ Там же, л. 19 ж, об.

²⁹ Там же, л. 80.

³⁰ Там же, л. 19. Георгий Гусев (1914–1988) родился в Петербурге, в 1919 г. его семья переехала в Выборг, где сменила фамилию на Олмари. В 1936 г. он окончил Сортавальскую духовную семинарию, после чего занимался переводами с церковно-славянского на финский язык, в 1937 г. поступил в Валаамский монастырь, где через год принял постриг с именем Павел, а затем и рукоположение. В Зимнюю войну 1939–1940 гг. был священником в Олонецком районе, боролся против обращения православного карельского населения в лютеранство. Служил священником в лагере для военнопленных и на фронте, был главным редактором Совета по изданию православной литературы. В 1948 г. стал настоятелем прихода в Куопио. На соборе Финляндской Православной Церкви в 1955 г. избран помощником епископа, отвечал за связи с Русской Православной Церковью; с 1960 г. – архиепископ Карельский и всея Финляндии. Активно укреплял экуменические контакты Финляндской Православной Церкви и в конце 1960-х гг. даже позволил католикам использовать православные храмы для богослужений.

³¹ Там же, л. 5–5 об.